

ОТ АВТОРА РОМАНА «**КРАСНЫЙ СВЕТ**»

максим кантор

АЗАРТ

Максим Кантор

Азарт

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кантор М. К.

Азарт / М. К. Кантор — «АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-102176-4

Молодой андеграундный художник, после развала Советского Союза становится востребованным в Европе. Среди прочих предложений он получает и такое – пожить в Амстердаме на яхте в своеобразной творческой коммуне. Ничто не предвещало, что приглашение провести время на море в компании людей искусства приведет героя к размышлениям о глобальных вопросах, а роман, начинавшийся как остроумный рассказ о бытовых неудобствах, превратится в мощную притчу о строительстве ковчега и о месте человека в этом мире.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102176-4

© Кантор М. К., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	25
Глава шестая	30
Глава седьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Максим Кантор

Азарт

© Максим Кантор, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Первый роман художника, эссеиста и писателя Максима Кантора «Учебник рисования» вошел в список финалистов «Большой книги» и в длинный список «Русского Букера».

Последний его роман, «Красный свет», вышедший в 2013 году, появился в шорт-листах премий «Большая книга» и «Национальный бестселлер».

Более четырех лет поклонники глубокой и остроумной прозы ожидали нового романа. И теперь можно с абсолютной уверенностью сказать – ожидали не зря.

...Пираты, социализм, закат Европы, роль искусства, пороховые бочки, тоталитарное прошлое и неведомое будущее – все перемешивается в совершенно сюрреалистическом, абсурдном мире романа.

Оксфордский историк, левая активистка, лысый актер с Таганки, сербский поэт с мировым именем, аргентинский торговец комбайнами, музыкант, играющий на жестяных банках, и еще с полдюжины самых странных персонажей рассказывают удивительную притчу о строительстве ковчега и месте человека в мире.

В оформлении использована картина Максима Кантора «Человек и Море».

*Эрику Хобсбауму, который обещал показать мне карту Утопии,
а потом взял и умер.*

Глава первая

Приглашение

Когда я получил приглашение на яхту Августа, то не удивился.

В тот год было много экстравагантных приглашений. Таланты, что чувствовали себя невостребованными советской властью, стали получать приглашения с Запада, мол, именно вы нам и нужны, – богачи звали в свободный мир на выставки, во дворцы и на яхты.

Я был молод, мира за пределами Московской кольцевой дороги не знал, но мои картины стали выставлять в Европе. Приглашения посыпались внезапно: вот позвали на выставку в Гамбург, вот парижская графиня мечтает познакомиться; вот Венецианская биеннале приглашает. В общем ряду приглашение на яхту в Амстердамском порту не выглядело странным.

Условия тоже не напугали. Владелец корабля предлагал следующее: я живу в предоставленной мне каюте в течение шести недель, пишу картины на свое усмотрение, три картины оставляю голландцу в качестве платы за гостеприимство. Все, что нарисую сверх того, является моей собственностью – могу посылать в музеи или продавать на рынке.

Письмо-приглашение было отпечатано на квадратном кусочке картона красного цвета, а мое имя было вписано от руки. Это указывало на то, что приглашен не только я – или приглашают художников на яхту регулярно. Почему картон красный? Видимо, владелец яхты таким образом маркировал приглашения художникам из освобожденной, некогда коммунистической, России. Возможно, приглашения китайским мастерам он посылает на картоне желтого цвета. А в Африку – какие? Он же наверняка мыслит глобально и собирает у себя весь интернационал.

Как будет организована мастерская на яхте, мне было безразлично: уж если у богача имеется яхта с лишней каютой, то как-нибудь и мольберт с красками он сумеет приобрести. Голландские краски, знаменитая фирма «Рембрандт» – кто из нас не мечтал о таком тюбике. Живопись на корабле – отчего бы нет? Клод Моне, например, писал свои водные феерии прямо с лодки, даже есть такая картина: плывет по реке парусник, а на борту Клод Моне в панаме рисует.

В каких водах будет находиться судно, сказано не было, но, зная из журнальных публикаций о причудах богачей, я вообразил себе южные моря.

Яхта приписана к Амстердамскому порту, пришвартована в Голландии, оттуда, вероятно, пойдет через Северное море до Рейна, спустится к Дунаю... Далее знание географии не пукало. Но точно в Средиземное море выйдем, а там к Эгейскому, Ионическому... да и Карибское где-то рядом. Яхта будет дрейфовать меж коралловых рифов, матросы будут нырять за жемчугом, кок сварит черепаховый суп. Шесть недель плавания, шутка ли...

Жена обрадовалась: впереди был полноценный семейный отдых, морской вояж. Жили мы тесно, в одной квартире с родителями жены; наша семейная жизнь не клеилась, я чаще ночевал в мастерской, нежели дома, – отговаривался работой. Морской вояж решал проблемы. Мы ехали семьей, с семилетним сыном, этакая дружная поездка в буржуазный круиз.

– Как вы проводите лето? Снимаете дачу в Кратово?

– В этом году, знаете ли, мы едем на яхте приятелей в круиз. Средиземноморье, может быть, выйдем в Тихий океан... Как сложится.

Мы подумали, что надо бы раздобыть тельняшки: находиться полтора месяца на корабле, среди матросов, в костюме городского обывателя – нелепо. Матросы будут трудиться, лазать по реям (или как это у них называется?), отдавать швартовые, драить палубу – а мы в это время станем прогуливаться вдоль бортов, разряженные и праздные? Нет, я хочу освоить морской труд.

Я обратился к своему дяде, капитану первого ранга в отставке – в годы войны крейсер дяди Вити сопровождал полярные конвои из Англии в Мурманск. Однажды крейсер был взорван германской торпедой, дядя Витя тонул, выплыл, получил орден.

Мой план поработать матросом дяде Вите понравился. Он снабдил меня старой тельняшкой и посоветовал идти в северном направлении.

– Идите в Норвегию, – посоветовал дядя Витя. – Вот где красота. Лофотенские острова, айсберги, лед. Пойдете мимо Фарер...

– Дядя Витя, – сказал я, – маршрут намечен, мы идем на юг.

– Жаль, – сказал советский моряк и закурил «Беломор».

Я ненавидел пачку папирос с картой Беломорканала на крышке: путь в Белое море, прорытый заключенными, меня не манил. В те годы многие старики курили «Беломор», и образ Сталина витал над державой.

– Мы пойдем в южные моря, – повторил я.

Я стал читать популярную литературу по географии южных морей и Атлантики. Узнал, в частности, что акулы в акватории Реюньона нападают даже на мелководье. Решил, что отговору Августа ходить к французскому острову Реюньон, если он, конечно, собирался туда. Впрочем, что загадывать! Когда решаешься на такое приключение, надо отдаться на волю случая.

Мы вылетели в Амстердам шестого августа, взяв с собой три чемодана: в плавании ребенку может понадобиться масса разных вещей; книжки и учебники тоже нужны; а лекарства? Сапоги бахилы – чтобы ходить по палубе, когда яхту заливают высокая волна; теплые свитера и куртки – если холодный ветер; плащи с капюшонами – на случай штормов.

С этим неподъемным скарбом мы приземлились в Схипхолье, оттуда автобус нас подвез к центральному вокзалу; далее следовало идти пешком – так гласила инструкция.

Разумеется, до вылета я позвонил по указанному на красной картонке телефону.

Женский голос ответил мне по-русски, и наличие русской секретарши обрадовало. Мой английский был плоховат, жена кое-как говорила по-немецки, мы могли остаться непонятыми, но заботливый миллионер, приглашая русского художника, нанял русскую секретаршу – сколь предусмотрительно!

Мягкий голос объяснил маршрут; дама рекомендовала сразу же по приезде направиться в их бюро (оно расположено недалеко от вокзала), а уже оттуда нас проводят на корабль. Я предупредил, что еду с семьей. Помнится, дама слегка удивилась, но никак не возразила.

Конечно, думал я, ребенок на яхте не вполне уместен. Церемонные обеды в кают-компании, морская работа на палубе, вечерами коктейли, шампанское, легкий флирт; детских развлечений не предусмотрено. Но мы хотели показать сыну большой мир – да и вообще, куда деть мальчишку на полтора месяца? Секретарь удивилась присутствию ребенка на яхте, но ведь не отказала, – и вот мы приехали втроем и с тремя чемоданами влеклись по кривым набережным от вокзала к дому под номером тринадцать по набережной Принцграхт.

Со времен Рембрандта город почти не изменился; мы шли, словно по выставке малых голландцев, переходя от картины к картине. Вот посмотрели на «Переулок» кисти Терборха, перешли к панораме Вермеера, толкнули дверь кабачка – а там такой Остаде!

В городе клубился тот самый, многими голландскими живописцами воспетый, мокрый серебристый воздух – взгляните на холсты маринистов: они поэтичны и устрашающе одновременно. Видите влажные тучи, висящие над морем, несущие в себе ливень и бурю? Можно назвать их серебристыми облаками, вдохновляющими поэтов, а можно увидеть в них плохо отжатое серое белье, что полощется над городом, – словно нищие прачки развесили нечистые простыни бедняков.

– Гроза будет, – сказала жена.

– Да нет, здесь всегда так, – ответил я, – пугают грозой, а настоящей грозы не бывает. Так, мелкий дождь.

– А ветер сильный.

– Все-таки море.

Близость холодного северного моря, катящего тяжелые волны, повлияло на характер домов: они сжались в тесную шеренгу, плечо к плечу, чтобы согреться под ледяным ветром. Мы дошли до дома номер тринадцать, все было в точности так, как нарисовано на картинах Яна Стена; он, судя по всему, был парень наблюдательный. Кривая дверь впустила нас в прихожую, и сразу – косые ступени лестницы.

То был узкий, как все амстердамские дома, особняк: всего по одному окну на этаж. Лестницы не просто крутые, но практически отвесные; помню, жена сказала, что морское путешествие началось уже здесь – мы карабкались по ступеням, как матросы по вантам. Я взволок чемоданы на четвертый этаж.

Дверь открыла молодая женщина, даже, скорее, подросток. Впоследствии я узнал, что Саше (ее звали Саша) тридцать лет, но выглядела она лет на пятнадцать: маленькая, шуплая, с прямыми русыми волосами. Взгляд был приветливый и какой-то шальной. Лучшего прилагательного, пожалуй, не подберу. Взгляд был именно не шаловливый и не игривый, а шальной – как ниоткуда налетевший ветер, как матросская пьянка на амстердамской верфи. Саша назвала свое имя и посмотрела прозрачными шальными глазами поверх наших голов в окно – с четвертого этажа открывался вид на канал, а канал этот устремлялся в направлении моря.

Мы прошли в комнату – исключительно бедную комнату, помните, как бывает на картинах малых голландцев: пол, окно, стол, бутылка. Ни скатерти, ни портьеры, ни абажура.

Жили мы в Москве небогато и тесно, но эти амстердамские апартаменты были беднее наших. Два старых расшатанных стула, грубый стол, ящик, заменявший сундук, и буфет, в котором стояло несколько чашек и четыре тарелки. Я пересчитал все предметы в буфете, впрочем, считал недолго: не было практически ничего. Сколоченный из нестроганных досок стол был отполирован временем и руками едоков – помните «Едоков картофеля»? Да, вот еще один голландец, которого я вспомнил в тот день. Именно такой стол там и стоял. Я вспомнил интерьеры раннего Ван Гога, еще до арльского периода, картины, описывающие голландскую нищету.

– Садитесь, пожалуйста, – хозяйка указала нам на стулья, а сама села на ящик (как впоследствии оказалось, с корабельными инструментами. Там имелся даже старый секстант). – Может быть, кофе?

И она обратила шальной взгляд к буфету, в котором не было ничего съестного, и кофе не было тоже. Мы отказались от кофе.

– Сейчас придут девочки и сварят картошку, – сказала Саша.

– Девочки?

– У меня две дочки от первого брака: Алина и Полина.

В этот момент я понял, что перед нами не секретарша миллионера, а его жена.

– С Августом мы поженились два года назад, когда он приезжал в Питер. Это было еще до того, как он купил корабль.

Я не знал, что сказать. Все это выглядело дико и никак не складывалось в общую картину: приглашение рисовать на борту яхты, нищая комната на четвертом этаже, четыре тарелки в буфете, шуплая девочка-подросток и ее муж, который купил корабль.

– Корабль?..

– Вы ведь рисовать на корабле приехали, да?

– Рисовать.

– Вот и отлично. Август считает, что он сумеет выгодно продать картины.

– Еще меня позвали на Венецианскую биеннале, – сказал я, чтобы подчеркнуть свое значение, – и в Париж пригласили.

– Мечтаю съездить в Париж, – сказала Саша. – А в Венеции, говорят, жара. Здесь погода скверная. Девочки все время простужены.

Я стеснялся спросить, существует ли корабль. Саша сама разъяснила ситуацию – ее отличительной чертой была способность говорить о щекотливых вопросах крайне просто, называя вещи своими именами.

– Август получил наследство. Мы очень бедно жили. Двухкомнатная квартира – спальня да столовая, девочек негде положить. Август ведь ничего не зарабатывал, а еще нас троих взял. Голодно жили. Девочки с нами в одной комнате спят. А потом вдруг наследство.

Теперь-то я все понял. Вот оно, преимущество жизни в свободном мире: ты живешь бедно, но честно, потом умирает троюродная бабушка и оставляет тебе капитал.

– Бабушка умерла, кучу денег оставила, – подтвердила мою догадку Саша, – я думала: наконец заживем как люди. Такие деньжищи. А он корабль купил.

– Много оставила? – спросил я. Неудобный вопрос, конечно. Но я спросил: уж очень мало чашек было в буфете.

– Шестьдесят тысяч гульденов.

Я мало что смыслил в кораблестроении и ценах на яхты. Спустя годы познакомился с партнером миллиардера Онассиса, который владел небольшой флотилией по перевозке нефтепродуктов, а также содержал три океанские яхты. Этот флотоводец мне объяснил, что в среднем каждый метр яхты обходится в миллион. Тогда я этих цифр не знал да и сейчас не уверен, что эти цифры реальные. Но и тогда я понимал, что корабль – штука дорогая.

– Разве можно на шестьдесят тысяч гульденов купить корабль?

– Можно, – сказала Саша.

– Настоящий корабль? – решил я уточнить. – Стоит в порту?

– О да.

Она махнула рукой в сторону окна, выходящего на канал и в порт:

– Там, в порту, и стоит. Август теперь живет на корабле. Он приедет и все расскажет.

Мы все подошли к окну и посмотрели на город с узкими домами и острыми крышами. Вдоль канала тянулась узкая набережная, уходила в мутную дождливую перспективу, так хорошо переданную малыми голландцами. И вот издалека, через пелену дождя, Саша разглядела в глубине пейзажа велосипедиста. Она выделила эту фигурку среди прочих велосипедистов и заставила нас отыскать эту фигурку взглядом.

– Вот он!

Так я впервые увидел Августа – далекую фигурку на вихляющемся велосипеде. Август ехал под дождем, пригнувшись к рулю, а на голове у него – это мы разглядели, когда он подъехал ближе, – была бескозырка, настоящая матросская бескозырка, как в кино про храбрых моряков, и белые ленточки развевались у него за спиной.

Глава вторая

Август

Он был длинный и узкий, как дома в Амстердаме. Еще он напоминал древко знамени – такой был тощий, а на самом верху, в конце древка, развевались ленточки бескозырки.

Лицо его я помню только в профиль, кажется, фаса там вовсе не было: огромный костлявый нос, тонкие губы и гигантский упрямый подбородок. Глаза были посажены глубоко, очень глубоко; выпирали острые скулы и надбровные дуги, а густые рыжие брови мешали Августу смотреть на мир – глаза смотрели словно из пещеры в скале, вход в которую зарос кустами.

Он был очень белокожим, до голубизны, до прозрачности, – и усыпан веснушками.

Вошел с велосипедом на плече – втащил кривой, старый и ржавый велосипед на четвертый этаж и повесил на крюк в стене.

– Воруят велосипеды, – это было первое, что Август сказал, а потом он добавил: – Здравствуйте, добро пожаловать! Хорошо, что ты приехал. Работы много. И славно, что с юнгой. Будешь юнгой? – это он уже моего сына так спросил.

Велосипед Августа меня потряс. У этого велосипеда было кривым все: рама, руль, колеса. Колеса были искривлены так, что непонятно было, как они могут вращаться. Казалось, что этот велосипед попал под поезд. Невозможно было представить, что кто-то захочет такую машину украсть.

– Воруют? – спросил я.

– Еще как, – весело подтвердил он. – Если оставить велосипед без присмотра, за пять минут стащат.

Я не мог отвести глаз от велосипеда. Знакомы ли вы с игрой «буриме»? В буриме играют на дачных чаепитиях. Это коллективный экспромт: пускают по кругу лист бумаги, и каждый пишет по одной строке стихотворения, причем складывает бумагу так, чтобы следующий поэт его строку не видел. Так вот, у Августа было велосипедное буриме. Рама была розовой и изящной – от дамского велосипеда; руль – от гоночного; колеса разного размера – одно от огромного дорожного велосипеда с широкими шинами, другое – от спортивного, с шинами узкими. Седло, вероятно, было антикварным – таких я сроду не встречал, из цельного куска стали. Для придания сиденью мягкости Август обмотал железку изолентой. И вся эта конструкция была ржавой и погнутой в разные стороны.

Август понял мое недоумение и пояснил:

– Хороший велосипед. Просто с виду кривой.

– Да, – сказал я. – Странный велосипед.

– Ничего удивительного: я собрал свой велосипед из разных деталей. Где-то найдешь колесо, где-то раму.

– Тут все так делают, – сказала Саша. – Собирают свое из чужих деталей. Поэтому оставлять велосипед на улице опасно. Снимают колеса. Или седло.

– Велосипед надежный, – сказал Август. – И быстрый, если надо.

– Куда спешить? – разумно сказала его жена. – До порта рукой подать.

Говорили мы по-русски. Акцент у Августа имелся, но говорил он чисто: падежи ставил правильно и женский род с мужским не путал.

– Я к чужим языкам способный, – пояснил он, – люблю разных людей, и с каждым – на его языке. Четырнадцать языков знаю.

– Четырнадцать? – Моя жена ахнула; она немецкий учила всю жизнь, правда, нерегулярно.

– Или пятнадцать, я уж не помню. В колледже иезуитов выучил.

– В колледже иезуитов? – ахнул уже я. Костлявый рыжий верзила в бескозырке, обладатель велосипеда, собранного из ворованных деталей, и корабля, наличие которого казалось все менее вероятным, окончил колледж иезуитов? Знает пятнадцать языков?

– Хотел стать епископом, – пояснил Август, – а может, и кардиналом. Люблю Священное Писание. Думал читать проповеди. Потом передумал. Решил жениться. В жизни надо все попробовать. Теперь стал капитаном.

– А мы – капитанские дочки. – В дверях появились две девочки, ровесницы моего сына, сестры-близнецы Алина и Полина. Обе с шальными, как у матери, глазами. – Мы картошки принесли.

Своего семилетнего сына мы за картошкой не посылали; впрочем, возможно, двойняшкам было восемь или девять – все равно рановато для прогулок по хулиганскому Амстердаму без присмотра.

– Сварите-ка нам картошки, сестрички, – скомандовал Август, а сестрички откозыряли и крикнули звонко:

– Так точно, капитан Август!

Потом ели вареную картошку. Сидели за грубым столом (трое детей на ящике, двое взрослых на стульях, а еще двое на корточках) и ели картошку. Это было настолько откровенной цитатой из Ван Гога, что даже неловко пересказывать. Пока длилась картофельная трапеза, Август рассказывал про корабль:

– Что можно сделать с шестьюдесятью тысячами? Только кажется, что большие деньги, а что с ними делать? Два раза пообедал в ресторане всей семьей – вот уже тысячи и нет. Два месяца обедать, и ничего не останется.

– Квартиру можно купить, – сказал я наугад.

– Однокомнатную на окраине. В блочном доме. Окнами на помойку. У меня уже есть две комнаты.

– Так ведь можно обмен потом сделать. – Я включил воображение ущемленного в метрах москвича. Мы все в те годы мечтали что-нибудь такое провернуть. Взять бабушкину однокомнатную в Жулебино, дедушкину комнату в Орехово-Борисово, добавить свою двушку, все сложить – и вот вам особняк на Остоженке. Не у всех получилось.

– Жизнь очень короткая, – заметил Август. – На обмен может уйти ее лучшая часть. У меня друг десять лет квартиру обменивал. А потом напился и утонул. Так нельзя. Я хочу, чтобы результат был сразу. Решил: куплю корабль.

– За шестьдесят тысяч? Дешевле квартиры?

– Это списанный корабль, – объяснил Август. – Уже не на плаву. Считается, что корабль устарел. От него отказалось пароходство. Где-то пробоина есть, обшивка разошлась, плохо заварили. Надо новые швы класть.

– Но корабль на воде держится? – понуро спросил я. Все-таки мне предстояло на этом корабле шесть недель плыть.

– Еще как держится. Пробоина выше ватерлинии. Если волны нет, так корабль хоть в Америку дойдет. Когда шов заделаем, в кругосветку пойдем.

– А сейчас по рекам? – До Реюньона не дойдем, это уже понятно.

– Сейчас в порту стоим. Чинимся.

– Обшивку завариваете? – спросил я значительно, входя во вкус морского жаргона. Все-таки у меня имелась тельняшка.

– Главное – починить машину. Машина стоит. Механика ишу – и чтобы недорого брал. У меня все деньги на корабль ушли. Надо машину запустить. Кое-какие детали придется купить, конечно. Но начнем с того, что ржавчину удалим, зубчатые колеса можно самим сделать. А палубу положить, мачты поставить – так это за неделю управимся.

– Как это – палубу положить? – Жена моя была женщиной терпеливой, выросла в небогатой семье, но, согласитесь, палуба на корабле – это минимальное, что можно потребовать от круиза.

– Сгнила палуба. То есть не везде. Кое-где доски остались. Ходить можно, – успокоил нас Август, – но под ноги смотреть надо. Дыр много.

– Не потонем? – спросила жена.

– Так мы же к верфи пришвартованы. Пока канаты не перерубим, от верфи никуда не денемся.

– Когда корабль списали? – спросил я.

Август сказал:

– Семьдесят лет назад.

– В семнадцатом году? Ровесник революции? – Шутка не удалась; никто не засмеялся.

– Корабль принимал участие в боях Первой мировой, – сказал Август; видимо, ему часто приходилось рассказывать о приобретении, и он устал повторять. – После войны корабль списали. Пробоина. Машина сломана. Корабль не на ходу. Но это же дом! Понимаешь? Корабль – это большой дом. Гораздо больше, чем однокомнатная квартира.

Саша сказала:

– Август всю жизнь мечтал построить дом для всех своих друзей. Набьемся, как кильки в банку – будет тепло.

– Вместе легче, – сказал Август.

– Когда мы познакомились, он ходил по питерским коммунальным квартирам и убеждал людей не разъезжаться, – сообщила Саша. – Ты же знаешь, каждый мечтает из коммуналки уехать. Отдельную конуру люди ищут. А мой Август жильцам коммуналки доказывал: вы одна семья... Его чуть не линчевали.

– Корабль – даже лучше, чем дом, – сказал Август. – Можно идти по рекам и собирать всех, кому плохо живется.

– Зачем? – спросила жена. На круиз совсем не было похоже. Какой это круиз – бомжей собирать?

– Как – зачем? Рабочие на корабле нужны, – сказал Август моей жене. – Корабль без рабочих не починишь. Кто палубу стелить будет?

– Август коммуны хочет: чтобы все работали, а он денег не платил. – Саша засмеялась.

– Коммуна – это государство в миниатюре, только без полиции и налогов. – сказал Август, – Вот, допустим, ты – художник, а я – капитан...

– А мы капитанские дочери, – сказали хором Алина и Полина.

– Саша – повар. А ты, – это он моей жене сообщил, – будешь белье стирать.

– Спасибо, – сказала моя жена, – нашли мне занятие.

– Пожалуйста, если не нравится, то я буду стирать белье, а ты будешь капитаном, – сказал Август примирительно. – Важно найти механика, чтобы машину починил. Сварщиков позовем. Плотников. Пару моряков тоже надо. У нас в порту полно безработных моряков.

– Еще маляр нужен, – сказала Саша.

– Я художник, – уточнил я на всякий случай, – а не маляр. И краски у меня другие.

– Но тоже кисточкой работаете? Значит, в принципе умеете красить?

– Я картины пишу, – сухо сказал я.

– Всякий что-нибудь умеет, – примирил нас Август. – Даем человеку крышу и еду – а он работает. Вот механика найдем, и механик машину починит.

– А можно починить? – спросила жена. – Железо, наверное, проржавело.

– Сто лет назад отличные машины строили. Может быть, какую деталь и заменим... покупать придется... Художники и музыканты нужны – чтобы зарабатывать деньги. Будем давать концерты и картинами торговать.

Наконец я понял свою роль. Август собирал очередной велосипед, только на этот раз очень большой.

Он приглашал разных людей и свинчивал из бродяг и странников цельное сообщество. Если длить сравнение с велосипедом, то мне в этой конструкции отводилась роль левой педали или велосипедного звонка.

– Пошли в порт, – сказал Август, – посмотрим на корабль. И чемоданы захватим, там для вас каюта приготовлена.

– Каюта? – спросила моя жена. Интонацию вопроса передать затрудняюсь.

– Отличная каюта, вам понравится.

Глава третья

Порт

В порт отправились всей компанией.

На узкой лестнице возникла суета: сын чуть не упал с крутых ступенек, но Август поймал его за шиворот, порвав детское пальто. Польское пальто было куплено перед отъездом – то была ощутимая трата. Жена промолчала, но я перехватил ее отчаянный взгляд.

– Зашью, – сквозь зубы прошептала жена, – нитки у меня есть.

Мы начинали привыкать к ударам судьбы – а как иначе, если ты в походе? Как обходились со своей рваниной матросы с кораблей Васко да Гамы, как доставалось пиратам Моргана? Полагаете, у пиратов тельняшки не рвались? Еще как рвались. И что с того, что наш корабль стоял на приколе – жизнь матроса тяжела и в порту.

И я это в полной мере осознал, подхватив наши чемоданы.

Помню, Саша предложила мне не надрываться, волоча чемоданы по лестнице, а столкнуть багаж вниз по ступеням, будет проще и быстрее; но я отказался. Надо сказать, предложение я оценил: мне дали понять, что в дальнейшем будет несладко и следует беречь силы. Тем не менее я отказался и потащил баулы вниз. Принято считать, что спускаться легче, чем подниматься, – это верно, но нести чемоданы вниз и вверх по амстердамским лестницам одинаково тяжело. Там и без чемоданов непросто. Однако я их донес. Зачем, спрашивается, было до того тащить чемоданы наверх? Зачем было набивать их бессмысленной поклажей? Но терпение, терпение! – нельзя волноваться по пустякам.

На улице Август поехал вперед, а мы ковыляли за его велосипедом по лужам – но, сжалившись над нами, Август слез с седла и привязал наши чемоданы к раме. В карманах у капитана Августа было много всякой всячины – потом я в этом не раз убеждался, – он достал моток веревки и прикрутил поклажу.

– Караван беженцев, – сказал Август. – Поход через пустыню Египетскую.

Все-таки он был воспитанник иезуитов, и речь его, как и его карманы, была напичкана разными странностями и прихотливыми загогулинами.

Египетскую пустыню амстердамская слякоть не напоминала ничем – слишком мокро. Я сообщил об этом Августу.

– А может, уже эта, как ее, манна небесная полилась? – предположил капитан.

Через минуту веревки лопнули, чемоданы наши упали в лужу – я ждал теперь любого подвоха в любой момент и уже ничему не удивлялся.

– Подвели веревки, – сообщил Август. – Сгнили давно.

– Как это: веревки сгнили?

– В порту беру, на старом складе – там разное барахло еще с войны лежит. Иногда хорошие вещи находим. А вот веревки – подвели.

– А зачем же их брать? – изумился я, и мысль о корабле, болезненная мысль о дырявой посудине, на которой нам предстояло ночевать, пришла в голову и уже не уходила.

– Как – зачем брать? – не понял вопрос Август. – Это отличные веревки. Просто гнилые.

– Пойдем скорее, – сказала моя жена, – дети простудятся. – И добавила (помню, вопрос прозвучал столь дико, что на него никто не ответил, но на мгновение все словно оцепенели): – А на корабле есть отопление?

Помолчали.

– Одежду сушить, – пояснила жена тихо.

– Уже почти пришли, – ответил ей Август.

– А то в чемоданах, наверное, одежда промокла.

– Скоро уже дойдем, – успокоил ее Август. – Сейчас свернем в промзону, а потом будет порт.

Мы свернули с улиц в так называемую промзону, где, впрочем, никакой промышленности не было. Никто ничего здесь давно не производил, кранов и тягачей я не заметил; матросов и шкиперов тоже не было. То был район пустырей, луж, бетонных заборов, фанерных сараев и костров, возле которых грелись нищие. Один из таких костров горел подле заброшенного остова дома – обычного четырехэтажного амстердамского узкого кирпичного барака. Все стекла в доме были выбиты, дверей не было. В доме, судя по всему, жили бродяги – они и жгли костер.

– Может быть, остановимся, одежду посушим? – прошептала жена. Громко говорить она не решалась, а почему – непонятно. Нас ведь окружали друзья.

– Классическая купеческая архитектура семнадцатого века, – сообщил нам Август, указывая на дом. – В порту раньше все дома были такими. Практичная постройка. Видишь, там, наверху, крюк? Привязывали к нему веревки и так поднимали товары наверх. Классно придумали? Удобно.

– Веревки, значит, привязывали? – едко спросил я. – Не гнилые?

– Это давно было, – рассудительно пояснил Август. – В семнадцатом веке. Теперь склада нет. Сейчас тут сквот.

– Что здесь такое? – я не знал слова «сквот».

Должен повиниться: в отношении молодежной культуры двадцатого века я профан. В нашей семье был уклон в сторону классического образования, папа у меня был историк и философ, дед – профессор минералогии. Про движение хиппи я знал немного. Более того, я даже не знал, что такое марихуана. И не знал названий вокально-инструментальных ансамблей. У нас в семье не было телевизора и магнитофона тоже не было. Гордец и задавака, я считал, что так отстаиваю классическую культуру. Если честно, то я никогда не слышал ни ансамбля «Песняры», ни «Роллинг Стоунз». Не притворяюсь, это, увы, стыдная правда.

– Что здесь находится? – переспросил я.

– Сквот. Свободные люди тут живут. Травку курят. Размышляют. Творят. Ищут.

Свободные люди сидели полукругом у огня, передавали по кругу окурки.

Я смотрел на одутловатые физиономии, украшенные серьгами и татуировками, с лимонными и фиолетовыми пучками волос – у кого на макушке, у кого под носом. Бледные подростки с возбужденными красноватыми глазами о чем-то громко говорили на голландском, немного грубоватом для слуха языке. Голландский для русского уха интересен тем, что самые безобидные вещи звучат на нем вызывающе, в благопристойном обществе и не произнесешь. Например, фамилия знаменитого историка Хейзинги звучит как «Хуйзинка», а стандартное приветствие «с добрым утром» звучит как «хуеморден». Вот и эти свободные люди, сидя подле огня, беспрестанно желали друг другу доброго утра, поминали великого историка – и меланхолично смолили косяк марихуаны. Не похоже было, что они что-нибудь ищут – у меня была стойкая уверенность, что они уже все, что хотели, нашли.

Знаю, знаю, что вы сейчас скажете! Сам признаю, что был книжным мальчиком, мимо меня прошли искания современности: я никогда не занимался инсталляциями, не посещал дискотек, не входил ни в какие кружки... Знаю сам, что это снобизм и чистоплюйство. Уж и доброго утра ему не пожелай по-голландски, ранимый какой нашелся. Но что поделать, правда требует точного изложения событий – я не ценил все то, что представлялось несомненной ценностью для Августа.

– Вот когда наш корабль поплывет... – пробормотал Август.

И я понял, чего он хочет: чтобы вот такой караван-сарай, сквот с бродягами, притон бездельников с лиловыми патлами кочевал от города к городу.

– Скажи, – спросил я (о, я был ужасным занудой, вечно выяснял отношения и спорил), – скажи, Август, эти бродяги что здесь делают? Работают над чем? Они вообще кто?

– Люди.

– Хорошие люди? Или бездельники? Все эти ваши современные художники и хиппи – это же обыкновенные паразиты...

– Ну что ты, – мягко сказал Август. – Не суди строго. Среди них есть прекрасные товарищи.

– Нашел среди них матросов?

– Здесь – одного. Удивительный человек, современный композитор. Я вас сейчас познакомлю.

– Композитор? – Слово солидное, вызывает уважение.

– Да, суперконкретная музыка. Играет на консервных банках. Когда починим корабль, мы пойдем по рекам Голландии, и на каждом причале Йохан будет играть свой концерт. Верно, Йохан?

Молодой человек с лиловыми волосами и татуировкой на шее помахал рукой и громко пожелал нам доброго утра. Кстати, я заметил у его ног несколько консервных банок – ребята завтракали, но одновременно и запасались музыкальными инструментами. Интересно, хотел спросить я, банки из-под тушенки и из-под кильки в томате – рознятся так же, как инструменты от Амати и Страдивари? Но не спросил, решил быть вежливым.

Хоть я был молод, жизнь успела кое-чему научить. Как-то, будучи в гостях у немецкого скульптора, я поинтересовался, что это за свалка ржавого железа во дворе – помойка или инсталляция. Оказалось – инсталляция, и больше меня в ту мастерскую не звали. Так что и вопросов о консервных банках я задавать не стал.

– Поплывем по рекам с концертной программой? – спросил я.

– Конечно. Сначала пойдем по голландским рекам, а потом по Германии. Надо же собирать народ.

– Чтобы играть на консервных банках? – Я произнес фразу спокойно, но, боюсь, интонация меня выдала.

– Представляешь, какая красота? Йохан расставляет на пирсе банки, бьет по ним железной арматурой... Свечи, фонарики... Волшебная атмосфера. А потом, когда соберем достаточно людей, мы выйдем в океан.

– Ковчег? – спросил я. – Цивилизацию бездельников будем спасать?

– Не надо так грубо. – Некоторое время он шел молча, держал одной рукой велосипед, а в другой нес мой чемодан. – Не надо меня переоценивать. Пока я просто чиню корабль. Собираю хороших людей. Знаешь, это такое азартное занятие – собирать добрых людей для хорошего дела. Спасение приходит само собой, когда его уже и не ждешь.

Все-таки он был верующий, даже иезуит, – и разные словечки наподобие «спасения» в его речи возникали легко. Слово «спасение» он явно произнес с интонацией проповедника, спасающего души. Для меня такие термины были непривычны – мы в Советской России росли неверующими. И вообще, шутка ли: беседовать с живым иезуитом. Помню, не удержался и спросил, действительно ли он верит в Бога и если верит, то как может доказать бытие Божие.

Август несколько не удивился вопросу.

– Так это же элементарно доказывается.

– Как именно?

– Ценами на обувь. Сам подумай: ботинки, даже самые дорогие и шикарные, стоят не больше сотни. А те, что мы все покупаем, по пятнадцать – тридцать гульденов.

– И что?

– А то, что никакой диктатор, ни Сталин, ни Гитлер, ни Пиночет не повышал радикально цен на обувь. Им просто в голову не приходило. Цены на водку, муку и масло, на квартиру и

образование – это все ерунда. Ты легко можешь жить без хлеба и без образования; сам доберешься, где сможешь. А вот без ботинок ты не проживешь, шагу не сделаешь. Что им стоило поднять цены на обувь в сто раз? Скажем: башмак стоит тысячу, а пара – две тысячи? И покупали бы! Куда денешься? Душу бы дьяволу закладывали, в рабство бы детей продавали, а ботинки бы покупали. А вот не догадались диктаторы.

– И что это значит?

– Божий промысел. Бог не хочет погубить человечество. Дал людям шанс.

И тут мы вышли к порту.

Распахнулся серый свинцовый простор холодного моря, и ветер ударил нам в лицо. Пока шли меж пакгаузов и сараев, мы были защищены, а на набережной шальной ветер налетел со всех сторон. Ветер в амстердамском порту такой, что его отмечаешь в первую очередь, а только потом смотришь на корабли.

– Вот, смотри. Вот он, наш корабль.

И я увидел корабль.

Огромный черный корабль выглядел ровно так, как дети рисуют корабли в тетрадках – то есть все было сделано очень просто, конструкцию можно изобразить тремя линиями: ни светящихся иллюминаторов, ни мачт с парусами, ни флага, ни трубы с дымом, а просто очень большая лодка.

Красили лодку давно, краска облупилась, и выглядывала рыжая ржавчина.

По черному борту белой краской было написано слово «Азарт».

– Входи, – сказал Август.

– Как? – спросил я.

– Так вот же мостки. Не видишь? Иди на борт, не бойся.

Глава четвертая

Матросы

В те годы – первые годы перестройки – большим спросом пользовалось слово «плюрализм». Когда политика спрашивали: какая у вас программа? – политик отвечал – плюрализм, и всем нравилось. Имелось в виду разнообразие мнений и стилей. Дескать, прежде в обществе были казарма и плановое хозяйство, а нынче у нас свободное самовыражение и планов нет. И еще говорили, что «у каждого своя правда». Мол, нельзя судить другого человека, исходя из своих принципов, у твоего соседа принципы могут быть совсем иные.

Скажем, кому-то покажется, что этот корабль – ржавая посуда, а другой человек будет считать, что это судно – высшее достижение техники. И оба правы. У каждого свое мнение – свобода потому что. Кое-кто может считать, что музыкант Йохан – шарлатан, а звуки, издаваемые консервной банкой, когда по ней молотят железкой, – какофония. А иной ценитель сочтет, что это высокое искусство. Тут ведь судить трудно – прав был Аполлон, когда содрал с Марсия кожу за то, что тот выиграл музыкальное соревнование, или не прав?..

Некоторые люди полагали, что расплывчатая доктрина имеет отношение к императиву Канта: мол, человек – это цель в себе и внешним судом его судить нельзя. Дескать, у каждого свои принципы и общего принципа нет. Сейчас я знаю, что к философии Канта релятивизм отношения не имеет. Кант отнюдь не считал, что существует множество правд, совсем наоборот: Кант считал, что нравственная максима не подлежит изменению никогда, он лишь говорил, что один человек не является средством для достижения целей другого человека. Это совсем не то же самое, что наличие нескольких правд; но в ту пору я не видел разницы между двумя утверждениями – или видел не вполне ясно.

Вероятно, думал я, у лилового Йохана имеется своя правда. А то, что мне его правда не близка, – что ж с того? Не мешане, потерпим и суперконкретную музыку.

– Лишь бы Йохан на корабле не музицировал, – прошептала жена. – Ребенок не уснет.

– В конце концов, – примирительно сказал я, – он же не злодей. Просто у него такое искусство. Своя правда.

Когда мы спустились в кубрик, то увидели сразу троих обладателей уникальных взглядов – у каждого из матросов «Азарта» правда была, безусловно, своя.

Август сразу повел нас вниз, в чрево корабля, знакомиться с командой.

Корабль выглядел большим снаружи, а внутри оказался просто гигантским; мы кружили в бесконечных путаных кишках железного Левиафана: узкие коридоры с низкими потолками, железные, лязгающие под ногой полы, неожиданные повороты, лестницы, ведущие в темные отсеки, тяжелые двери, которые, скрипя, поворачивались на ржавых болтах.

Одну из дверей капитан Август толкнул плечом. Это был матросский кубрик.

Каждый из матросов занимал свой угол, а судя по тому, что в свободном, четвертом, углу были свалены пустые консервные банки, там было место музыканта Йохана.

Тот угол, что налево, сразу за дверью, был занят человеком, посвятившим себя театру. Стенка была оклеена фотографиями – то были сцены из разнообразных спектаклей. Главный герой фотографий представлял то сенатором в римской тоге, то революционным матросом в кожанке и бескозырке, то персонажем ибсеновского или чеховского тягучего абсурда – тогда на нем был тесноватый пиджак и соломенная шляпа. Там было много фотографий – все и не рассмотреть. Герой фотографий присутствовал в кубрике живьем – он спал на полу, положив под голову сильную руку.

– Актер, – указал на него Август гордо. – Сто ролей сыграл. Он у нас за плотника.

Мы обратили уважительные взгляды к актеру-плотнику. Клетчатая рубаша была расстегнута на его полном животе.

Актер был совершенно лыс, и в полутьме кубрика влажный блеск лысины играл роль источника света.

– Электричество скоро проведем, – ответил мне Август, хотя я не успел спросить про электричество. – Пока обходимся керосиновой лампой.

В углу, противоположном актерскому, расположилась дама средних лет. Я не мастер угадывать женский возраст; скажем, между тридцатью и пятидесятью. Жилистая женщина сидела на табурете, качала худой ногой в рваном чулке и курила, а над головой у нее висел портрет Мао Цзэдуна кисти (нет, не кисти, конечно, а фотообъектива или что там у него было?) Энди Уорхолла. Юбка у женщины была очень короткая.

– Это Присцилла, она левая, – объяснил капитан Август.

Кто такие европейские «левые», мы в России знали нетвердо; иногда газеты описывали их демонстрации протестов – против запрета на аборты или против оккупации Чехословакии. Публиковали репортажи о европейских левых для того, чтобы советские люди осознали – они не одиноки в битве с мировым капитализмом. Особенно если борются против запрета на аборты.

Левая активистка Присцилла, прищурившись, изучала нас, и было видно по взгляду, что меня она осуждает, жену презирает, а сына не замечает.

– Присцилла – куратор современного искусства, – сказал Август. – А вот новый матрос у нас – художник.

Присцилла при этих словах приняла выразительную позу: немного откинула голову, затулила взгляд и поджала губы. Кураторы современного искусства все так делают.

– А вы, так сказать... – В ее голосе было профессиональное презрение к насекомому, которое суетится на столе, среди коробок коллекционера, в поисках своей полочки. – Вы, так сказать, хм... тоже... хм... художник? Э-э-э?

– Живописью занимаюсь, – сказал я.

– Живописью? – Места для столь заурядного насекомого в ее коллекции не нашлось, пришлось пришить букашку где-то с краю, на внешней стороне коробочки с редкими видами.

– Да, красками рисую.

О, лучше бы я сказал, что ворую мелочь из пальто первоклассников в школьном гардеробе. Присцилла, культурный энтомолог, обдала меня холодом, вонзая иголку в спинку насекомого.

– Красочками?

– Да, на холсте – красками. – Я и сам знал, что дело гиблое, не делают так больше серьезные люди.

– Абстрактная живопись? – Насекомому дали последний шанс.

– Нет, фигуративная.

– Понятно.

И ни слова больше, ни звука.

Я занял место в ее классификации. Крылышки, лапки, усики – ей все было уже ясно. И цена новому насекомому среди прочих экспонатов была невысока. Живопись среди кураторов современного искусства – это нечто навсегда устаревшее и скучное; признаться в грехе живописи равносильно тому, что сознаться в моногамии при входе в гарем.

– Присцилла – наш бухгалтер, комиссар и идеолог, – сообщил Август. – Надо вести учет средств и разумно их распределять. Надо, чтобы не было лишних трат. Здесь коммуна – все общее.

– Фаланстер, – поправила Присцилла.

Сын вопросительно посмотрел на меня; я пообещал рассказать про фаланстеры вечером; но как фаланстеры сочетаются с маоизмом, я и сам не понимал.

– Вы, простите, маоист? – ничего умнее я не нашелся спросить. Надо же было вернуть ей вопрос.

Изнуренная йогой, вегетарианской пищей, черным табаком и легкими наркотиками, левая Присцилла выслушала мой вопрос устало. Сколько раз ее уже спрашивали об этой ерунде. Маоизм, марксизм – буржуа не чувствовали разницы. Но разве мещанам объяснишь, разве мещане поймут? Им, обывателям, что Мао, что Сартр, что Маркс... Она скривила губу, чуть усмехнулась.

– Я марксист последней волны, – сказала Присцилла, – что-то беру от Негри, что-то Альтюссера, что-то от Гароди.

– А Мао зачем?

– Чтобы боялись. – И Присцилла с ненавистью поглядела сквозь сигаретный дым на спящего лысого актера и третьего матроса, равнодушно созерцавшего наш приход и разговоры.

Тот, впрочем, и ее испепеляющий взгляд принял равнодушно, даже зевнул. Третий матрос был единственным, кому достался классический матросский гамак, и, судя по всему, он не собирался с ним расставаться. Вальяжно покачивался, лежа и свесив ногу в желтом ботинке.

– Я настолько боюсь вашего Мао, дорогая Присцилла, что буквально не могу заставить себя ходить в китайские рестораны. – Обитатель гамака зевнул. – Впрочем, и вам тоже не советую.

Когда сегодня я вспоминаю и пересказываю здесь корабельные диалоги, то сознательно обхожу вопрос языка. В самом деле, как же мы все понимали друг друга? Но ведь понимали, вот в чем штука! Так разговаривают меж собой пятилетние дети в интернациональном детском саду – они говорят на особом детском наречии. Мы говорили на смеси всех языков разом – а может быть, то был протоязык? Кто знает, возможно, так беседовали строители Вавилонской башни – до того, как Господь пожелал башню разрушить и разделить языки и наречия строителей. Присцилла, очевидно, была парижанкой, а сибарит в гамаке – англичанином. Однако они понимали друг друга без перевода, и, мало того, я их понимал тоже. За считанные мгновения внутри корабля складывался собственный местный язык, состоящий из смеси английского, русского, немецкого и французского – в конце концов, исторические прецеденты таких явлений имеются: на так называемом лингва франка некогда говорило полмира.

– Мао был занятный фрик, – заметил обитатель гамака. – В луна-парке, в комнате ужасов, он будет смотреться недурно. Но я предпочитаю сатаниста Алистера Кроули.

Обитатель гамака был белотел, упитан, грушевиден и обладал выдающейся нижней челюстью. При этом рот он имел аккуратный, в форме розочки. Розочка эта, впрочем, раскрывалась до необъятных размеров при поглощении пищи.

– Адриан Грегори, историк античности, Оксфордский университет, – аттестовал его Август.

Грушевидный историк античности изобразил на своем полном лице улыбку, растянул розочку. Затем историк лениво шевельнул ногой, этим приветствия и ограничил. Качался в гамаке и наблюдал за нами.

– Адриан занимается для нас хедхантингом.

– Чем?

– Адриан ищет для нас подходящего механика. Ведет переговоры в порту.

Адриан зевнул, растянув свою розочку.

– Вы как тут оказались? – спросил я уважительно. Подобно всем русским, я испытывал трепет перед Оксфордом. Казалось, вот там, в Туманном Альбионе, есть Оксфордский университет, кладезь премудрости, древняя крепость знаний.

– Путешествую, – сказал грушевидный Адриан.

– А как же университет?

– Сабатикал. – Розочка снова затрепетала лепестками – так Адриан смеялся. Словом «сабатикал» (тогда я этого, конечно, не знал) называются оплаченные годовые каникулы оксфордского преподавателя. Всякий шестой год – после пяти рабочих лет – сотрудники университета получают деньги, не делая ничего. Они отдыхают, считается, что в это время они пишут книги. Я даже встречал одного парня, который книгу написал. Так себе книжка.

Скупой, как все оксфордские профессора, Адриан решил добавить к дармовой зарплате шестого года еще и бесплатный отдых, так он принял приглашение Августа и, попав на ржавый корабль, поняв, в какой дыре оказался, решил брать от жизни все, что возможно: качался в гамаке и полдня спал.

– Стыдно лежать все время, – сказала ему Присцилла, – ты бы свой толстый зад вытащил из гамака и помог нам хоть раз. Вот вчера, когда борт красили...

Ах, вот откуда взялись эти неряшливые разводы на ржавчине – это они борт красили! Интересно, подумал я, сколько времени у них на это ушло. Судя по результату – немного.

– Прекрати вульгарное левачество, – заметил Адриан из гамака, – я терпеть не могу коллективный труд. Пока вы пачкали друг друга краской, я читал Катулла.

– Да не читал ты никакого Катулла! – взвизгнула левая активистка. – Ты спал. А когда мы ушли на палубу, слопал мою тушенку.

Я отметил про себя, что в разговоре с профессором Присцилла теряла свой надменный тон и ярилась – слишком уж неуязвимым выглядел оксфордский профессор, не поддавался прищипливанию.

– Как это мелко, – сказал Адриан лениво. – Я видел, как вы с музыкантом ели из одной банки. И предположил, что все левые делятся своим имуществом.

– Но не с паразитами вроде тебя!

– То есть вы, марксисты-маоисты, делитесь едой избирательно? С теми, кто делает инсталляции из ржавых банок – да? А с голодными профессорами истории – нет? Тогда какая же в этом социальная справедливость? Это тот же расизм, просто классовый.

– Замолчи, демагог! Зачем с тобой делиться, если ты из богатой семьи! Сам ты сроду глотком воды не поделишься.

– Так я же не марксист, – резонно заметил грушевидный Адриан, – я либеральный мыслитель.

– Колонизатор!

– Прекратите орать, – это зашевелился на полу лысый актер. Он сел, почесал лысину. Первым делом, так уж он привык, актер обозрел свой иконостас, полюбовался на любимые кадры, вооружился сценическими воспоминаниями и принял значительный вид. – Театр снился. Вернусь – буду Отелло играть.

– Почему Отелло? – спросил я.

– Причина имеется, – сказал он значительно.

– А вы из какого театра? – робко спросила жена.

– Таганка, – сказал лысый актер. – Знаете такой театр?

– Москвичи мы, – обрадовалась жена. – Зачем вы Таганку-то бросили?

– Интриги там, – сказал лысый актер. – Любимов ушел, и меня – скажем так – попросили... Затравили, короче. Но я вернусь! Я своего Отелло сыграю!

– И Яго покараете? – спросила моя жена. Она была романтической особой.

– Придушу, – сказал лысый актер, – руки крепкие... – И он вытянул вперед свои огромные ладони.

– Матрос вы, наверное, отменный, – сказала жена, – с такой-то силищей.

– Русские работать не любят, – заметила левая Присцилла. – Русские командовать любят, хоть над одним рабом – да командовать...

– Много ты о России знаешь, маоистка. Россия – самая свободная страна. А на Родину я по-любому вернусь. Я патриот.

– Свободная была при Троцком, – сказала Присцилла горько. – А теперь продали Россию. Друг друга в рабство продаете.

– Учить только нас не надо.

– Отчего бы дураков не поучить?

– Оттого, – лысина актера побагровела, – что Россия скоро воспрянет и про вашу Францию никто не вспомнит!

– Лентяи и воры, – сказала Присцилла, – видела я, как ты к коробке подбираешься.

У ног ее действительно стояла коробка из-под печенья, перемотанная бечевкой.

– Присцилла – хранитель нашей кассы, – пояснил Август и указал на коробку: – Здесь все, что осталось от наследства после покупки корабля. Не так много осталось, но пригодится.

– В банке деньги хранить нельзя, – сказала Присцилла, – банкиры украдут. Хотя и здесь спокойно.

– А я что, – пробормотал актер, – мне чужого не надо...

– Это не чужое, – успокоил его Август, – это – общее. И твое тоже. Тут для всех отложено. – С присущей ему простотой Август назвал общую сумму. Не помню цифры, кажется, две тысячи гульденов, а может быть, две с половиной. – Это деньги на спасательные жилеты, на ракетницу, на вещи, нужные в случае крушения.

Мне не понравился этот разговор. Когда перед отплытием говорят о крушении – добра не жди. Успокаивало, что корабль никуда не плывет.

– В порту спокойней, – прошептала жена и прижала сына к себе.

– Верно, – так же тихо сказал я, – может быть, и хорошо, что никуда не плывем.

– Спокойно поработаешь... здесь в порту тихо... – Жена сама себя уговаривала не бояться.

– Да что я, без понятия, что ли? – обиделся лысый актер, – что я – враг самому себе? Нужны спасательные жилеты, факт.

– Всем нужны, – сказал Август.

– Не беспокойся, – сжала губы француженка, – я за деньгами присмотрю. Славянам не достанутся.

– Эх ты, – с сердцем сказал лысый актер, – а еще говоришь, что пролетариев любишь...

– Нет ничего поучительнее, нежели ссора левых, – заметил грушевидный историк. – Но пока сюжет развивается вяло. Больше эмоций, господа! Больше крови!

– Я тебе сейчас... – сказал актер.

– Сценические угрозы, – лениво протянул англичанин. – Деревянные мечи, парики и румяна... Кстати, друг мой, где ваш парик?

– Я... я... – Лысый актер в Оксфорде не преподавал, и вне сцены его словарный запас был скуден.

– Продолжайте, мой друг. Не робейте! Если затруднения с монологом, обратитесь к суфлеру.

– Подожди, – сказал ему актер, – когда в открытое море выйдем. Я там без суфлера обойдусь.

– Что же вы сделаете со мной, странствующий комедиант? Подобно комедианту из третьего акта Гамлета – нальете мне в ухо яду?

– Там видно будет, – сказал актер.

– А пока разучивайте «Паломничество Чайльд Гарольда», – посоветовал грушевидный его противник, – я буду помогать. Чайльд Гарольд, как и вы, был скиталец – он простился с матушкой-родиной... *Adieu, adieu! my native shore...* Попробуйте повторить!

– Адье, адье... хуемое... – перешел актер на голландский и дважды пожелал англичанину доброго утра.

– Врежь ему! – крикнула Присцилла. – Дай этому жирному между глаз.

– Мадмуазель, – заметил профессор, – позиция Франции всегда – разумный коллаборационизм. Не позорьте свою культуру.

– Ах так! Ах ты, актеришка, сдрейфил! Тогда я сама!

– Мадмуазель комиссар, предупреждаю, я буду кидаться в вас отравленными зубочистками.

– Кто еще хочет попробовать комиссарского тела?! – и, угостив нас рокоchущей цитатой, лысый актер захохотал. Смех у него был сценический, непонятно, как с таким смехом можно потерять работу в театре.

Дочки Августа завизжали.

«Вот если еще Йохан заиграет на консервных банках...» – подумал я. А жена прошептала на ухо:

– Думаешь, нас здесь и поселят?

– Внимание! – сказал капитан Август. – Экипаж, слушай мою команду! – Он недурно смотрелся в своей бескозырке с ленточками и в широком бушлате. – Господа матросы, подъем! Отставить разговоры. Есть работа на палубе.

– Опять борт красить? – с тоской спросил актер.

Глава пятая

Кают-компания

Тогда я был покрепче, чем сегодня. Или наивнее, что почти одно и то же. Еще был жив отец, терпеливый человек, всю жизнь писавший книгу, которая должна была изменить ход истории человечества. Изменить никак не удавалось, но папа каждый день садился к столу и писал неразборчивые каракули; когда я спрашивал, не обидно ли, что его сочинения не печатают, отвечал с улыбкой: «Гомера тоже не печатали». Я привык, что папа каждый день горбится над рукописью, и мне передалась его безмятежная уверенность.

Отец превратился в развалину; но он продолжал, подволакивая ногу, передвигать слабое тело к столу, садился на край жесткого стула, писал каракули, которые трудно разобрать даже благожелательному читателю.

– Откуда ты знаешь, что это нужно?

– Труд всегда пробивает дорогу.

И я верил.

Теперь-то я насмотрелся всякого. Терпение спасает ненадолго; те, кто ждет удара, живут немного дольше наивных, вот и все. Их рано или поздно тоже достанут. В те годы я считал, что сопротивление судьбе побеждает судьбу.

Вдруг поверил, что корабль легко построить. А что тут невозможного? Можно построить! И корабль поплывет. Ведь основа – есть! Вот, стоит на воде огромный железный остов, покачивается на волнах, не тонет – что еще нужно, чтобы поплыть? Мачты поставить, палубу постелить. Машину отремонтировать. Паруса еще нужны. Это что, большая проблема? Это даже проще, чем написать философию истории. Были бы руки, были бы мозги.

План нужен, надо сесть за стол, договориться.

– Пошли в кают-компанию, – сказал Август. – План работ составим.

Мы переместились из матросского кубрика в машинное отделение – шли гуськом, в корабельных коридорах надо ходить осторожно, пристроившись в затылок друг другу; там проходы узкие и железные полы скользкие. Дети держались за руки, их матери (Августовская жена Саша и моя жена) страховали детей, чтобы те не свалились в люки и не провалились в многочисленные дыры. Не знаю еще, как назвать эти прорехи и отверстия в палубах – что в нижней, что верхней – и щели в коридорных полах. Доски палуб были трухлявыми, а железные полы коридоров съедены ржавчиной и разрушены внешними силами; повсюду зияли какие-то непонятные отверстия, словно по корабельному телу прошла пулеметная очередь, только пули были изрядного размера.

– Все это мы залатаем, – легкомысленно сказал Август и махнул рукой, отмечая сомнения. – Завтра и начнем.

– С какого места начнем? – равнодушно спросил англичанин Адриан. Он уж точно работать не собирался.

Оксфордский историк Адриан, левая активистка Присцилла и лысый актер с Таганки потянулись за нами. Англичанин ступал по гнилым настилам корабля осмотрительно, выставлял чищенный штиблет бережно, а свободная дочь Франции топала так, что корабль дрожал. Актер же по пути заглядывал в каждую щель – искал припрятанные музыкантом Йоханом консервы.

– Он же банки тут где-то прикапывает... Запасливый, гад... Жрать очень хочется... – Пытливый взгляд служителя Мельпомены шарил по железным лестницам и переборкам морской посуды. – Сам-то небось питается хорошо...

Пришли в кают-компанию. Выяснилось, что роль гостинной, то есть той самой, хрестоматийной, воспетой в суровых морских романах кают-компаний, играет на «Азарте» машинное отделение. Сломанная машина (огромный ржавый мотор, больное сердце корабля) занимала большую часть помещения и выглядела как гигантский сундук, из которого там и сям торчат рычаги и колесики. Стоял сундук посередине и использовался как большой обеденный стол.

Там за общей скудной трапезой (картофельные чипсы, две банки консервированной макрели, холодные бобы) я познакомился с прочими членами экипажа.

Их было пятеро.

Итальянец Микеле, вертлявый человек с ранней плешью на курчавой голове, в прошлом был менеджер. Он охотно поведал о своих проделках и переговорах – Микеле продавал аргентинские комбайны в Казахстан, причем стороны заключали контракты в Гонконге. Безумная эта схема представлялась Микеле абсолютно естественной – а как же иначе избежать налогов? – а вот намерение своими силами положить палубу выглядело недостижимой утопией.

– Кто же будет доски строгать? – спрашивал удивленно Микеле, которому ничего не стоило слетать в Гонконг из Буэнос-Айреса, чтобы заключить сделку с Алма-Атой.

– Ты, Микеле, вот именно ты будешь палубу класть. Ты же крепкий парень!

– Вы сошли с ума! Я не умею!

– Значит, продавать комбайны казахам ты умеешь?

– О, си, си! Продавать аргентинские комбайны – ми пьяче! Белло! Ми пьяче продавать комбайны казахам в Гонконге!

– А гвоздь вбить ты не можешь?!

– О но, но!

– Микеле, ты лентяй!

– Как ты можешь, Август, мне это говорить?! Я работаю круглый день. Ты продавал комбайны казахам? У меня нет времени на обед. О, это ад, inferno! Конкуренция, си! Я потерял работу!

От Микеле ждали, что с его феноменальными способностями команда обретет редкие детали для машины.

– Нужна командировка в Гонконг, – говорил Микеле. – Проблему надо решать в Гонконге. Купите мне билет в Гонконг от фирмы.

– От какой фирмы?

– От фирмы «Азарт»!

– Но у нас нет фирмы, Микеле. Мы просто семья. Ты же итальянец. Ты должен понимать, что такое семья!

– Семья – си! Но в семье должен быть папа, который платит за командировки.

– Микеле, это не мафия. Это просто семья. Общее дело. Ты делаешь свою работу, а я – свою.

– А кто же платит за командировки?

Август смотрел на Микеле с досадой; итальянец же встречал взгляд капитана приветливо, он переносил непонимание окружающих стойко.

Подле Микеле сидели два брата-еврея: Янус и Яков. Имя «Янус» показалось мне несколько странным, все мы слышали про «двуликого Януса», к иудейской истории это божество вроде бы отношения не имеет. Но (так я себе сказал) может быть, я не вполне точно слышал имя – кто их разберет, этих амстердамских ветхозаветных.

Братья торговали рыбой, что для Амстердама дело обычное, но это необычно для еврейской семьи. Сперва я решил, что «торговать рыбой» на жаргоне амстердамского порта значит нечто малопривлекательное. Например, император Тиберий называл «рыбками» своих юных фаворитов. Однако речь шла именно о камбале. Что заставило бойких людей, ищущих легкой и комфортной жизни, торговать рыбой? Впрочем, с рыбой дело не пошло, и братья оказались

на «Азарте». Они убедили Августа, что ему требуются связи в порту. До известной степени это было правдой.

– Порт я знаю от и до, – говорил Яков снисходительно. У него была такая манера говорить, словно он делал одолжение собеседнику, сообщая очевидные вещи, от знания которых уже устал. – Растаможка, декларации, фрахт, накладные, склады – это ко мне.

– Надо знать, к кому подойти, – качал головой его брат Янус. Он был такой же, как Яков, но к тому же скорбный – не только устал от знаний, но понял их тщету.

– Надо уметь закинуть крючок, – говорил Яков устало. Он столько закинул крючков в жизни, а теперь сидел на берегу, следил за поплавками. Но клева не было.

Братья предложили стратегию деятельности в порту. Они излагали план устало, словно речь шла об очевидной истине.

– Строительство корабля – хороший ход, – сказал Яков и зевнул, прикрывая рот рукой. – Мы с Янусом ходим и говорим: мы строим корабль. Люди спрашивают: «Большой корабль?» Отвечаю: «Огромный корабль!» Это неплохое начало разговора. А дальше?

– Дальше надо корабль построить, – сказал Август.

– Важно корабль вовремя продать, – объяснил капитану Яков снисходительно. – На рынке много кораблей. Мы рискуем.

– Надо успеть, – пояснил Янус грустно.

– Не хочу продавать «Азарт», – сказал Август.

– Кому нужен дырявый «Азарт». – Яков опять зевнул. – Надо организовать подписку на строительство нового корабля; будем продавать корабль по частям.

– Но корабль еще не построен. Корабля пока нет!

– Без корабля даже удобнее – можно нарисовать любой чертеж. Хотите каюту с джакузи и мраморным полом? Пожалуйста. – И снова зевок.

– «Азарт» не продается!

– Продай другой корабль. Какая разница. Назови новый корабль – «Гешефт».

– А кто другой корабль будет строить?

– А зачем строить? Не будет никакого другого корабля.

Некоторое время все члены экипажа смотрели на братьев – кто с недоумением, кто (левая Присцилла и артист Театра на Таганке) с восхищением. Братья легко выдержали взгляды команды: в их непростой жизни они повидали тугодумов и тупиц. Выдержали и этих.

– От вас требуется одно, – сказал братьям Август. Капитан говорил терпеливо, не позволяя себе эмоций, все же колледж иезуитов учит терпению. – Вы должны обеспечить бесплатную стоянку кораблю. Пока чинимся, мы не можем платить за стоянку.

– Добра тебе хотим, капитан.

Напротив братьев-торговцев рыбой сидели два рыбака, два усталых, замученных морским трудом человека. Немцы Клаус и Штефан были родом из Гамбурга, работали прежде на сейнере в Северном море.

Немецкие парни были худы и жилисты, их тяжелые руки выглядели как рабочие инструменты – единственные орудия труда, которые я заметил на «Азарте». Штефан брал предметы – вилку, скажем, или кружку – так ухватисто, что наблюдатель понимал: этот парень справится с такелажом и парусами. Клаус был пониже ростом, но пошире в плечах.

Штефан и Клаус выслушали предложения братьев-торговцев и итальянца – мастера кон трактов – с недоумением.

– Постелить палубу надо, – сказал Штефан. – Вот и все. Сегодня поднимем на корабль доски. Ты, – он указал на лысого актера, – нам с Клаусом поможешь.

– Я? – Актер даже привстал, осмотрел свое массивное тело, непригодное для тяжелой работы. По сравнению с рыбаком из Гамбурга российский актер был огромен, но смотрелся

он как-то неубедительно. Бывают такие рыхлые горы – не скалы, а песчаные осыпи. Актер подумал и сказал так:

– Я не могу поднимать тяжести.

– Хорошо, мы с Клаусом вдвоем сделаем, – спокойно согласился жилистый немец. Он не обиделся, не изменился в лице. Просто перестал смотреть в сторону актера.

– Хоть один человек что-то умеет, – прошептала жена. – Десять командиров собралось и ни одного рабочего.

– Нужны программа действий, флаг корабля и взаимовыручка, – сказал капитан Август.

– Деньги нужны, – сказал Микеле.

А Яков добавил устало:

– Нужно очень много денег.

– Флаг! Флаг! Нужен флаг! – это галдели Полина с Алиной.

– Есть идеи? – спросил Август. – Что нарисовать? Давайте нарисуем такой флаг, чтобы он воплощал общую мечту.

– Курицу на тарелке, – сказал оксфордский профессор Адриан. Он даже на стуле сидел так же покойно, как лежал в гамаке, – заваливался назад, клал ногу на ногу, качал ботинком. У него были желтые кожаные остроносые ботинки с маленькими дырочками по периметру, очень претенциозные. Позже я узнал, что этот фасон называется «оксфордский». – Пусть художник нам нарисует жареную курицу. Большую такую.

– Почему жареную курицу?

– Герб такой.

– Курица?

– Люблю жареную курицу. И все любят. Курица может сплотить коллектив.

– Орла надо изобразить, – сказал рыбак Штефан. Германский герб, как известно, изображает орла. Фантазия у Штефана была ограничена его происхождением.

– Нарисуем рыбу, – сказал Август. – Это христианский символ, и к тому же логика есть: рыба – море – корабль...

– Нарисуем золотую рыбку, – сказала Саша, и ее дочки, Алина и Полина, радостно загалдели:

– Золотая рыбка, исполни мои желания!

– Нет, мои!

– Нет, мои!

– Надо изобразить двуглавого орла, – мрачно сказал лысый актер с Таганки, озираясь в поисках припрятанных консервов. Те банки, что были на столе, опустели за минуту. – Одна голова смотрит на Запад, другая на Восток! Возродим Российскую империю!

– В Северном море?

– А почему нет? Наше море! – загадочно сказал актер.

– Нет, – сказала левая Присцилла, – за империю я голос не подам.

– Еще пожалеешь, – сказал актер. – Кто ты без империи? Ноль.

– Надо нарисовать... хм... – Куратор современного искусства прищурилась, глядя на нас сквозь дым самокрутки. – Надо изобразить нечто радикальное, новое, прорывное. Э-э-э... черный квадрат.

– А на черном квадрате нарисуем череп и кости, – заметил Адриан, качая ногой в оксфордском ботинке. – Это всегда ново и безусловно радикально.

– Давайте нарисуем жареную двуглавую золотую рыбку, – сказал Яков устало, – всем понравится: тут и рыба, и двухголовая, и золотая – и покушать можно.

– Конечно, две головы всегда лучше, – заметил тихий Янус. И я подумал, что не ослышался, его действительно звали Янус, этого человека с тихим голосом. – С двумя головами у золотой рыбки количество желаний удваивается.

Глаза команды заблестели.

И тут дверь распахнулась и в кают-компанию появился новый (и последний, как выяснилось, если не считать музыканта Йохана, которой пока не подошел) член экипажа.

Глава шестая

Поэт и капитан

Появился человек, которому предстояло сыграть особую роль в экспедиции – ибо каким еще словом определить наше путешествие в никуда, к Оракулу Божественной Бутылки, как не словом «экспедиция»?

Новый член экспедиции не вошел, а вплыл – я успел подумать: вот как выглядит корабль на плаву. Обширный живот протиснулся в узкую дверь кают-компаний и поплыл, покачиваясь, по воздуху, огибая предметы, а следом за животом продвигался его хозяин – точно корабль шел под надутым парусом.

Представлять его не требовалось: все знали – это был сербский поэт Боян Цветкович; его знал даже я, хотя стихов не читаю и телевизор не смотрю.

В те годы знаменитости из освобожденной от социализма Восточной Европы были крайне популярны: режиссер из Польши, писатель из Чехии, актриса из Югославии, даже теннисист хорватский блистал. Югославия разваливалась, начиналась гражданская резня – но в свете общих благодетных перемен эту войну как-то предпочитали не замечать; разве только таланты получили конкретную национальную прописку. Поэтическая звезда из Сербии светила и в Россию, и в Европу, от блеска ее лучей скрыться было трудно.

Увидев поэта Цветковича, я расстроился. Сегодня, когда все позади, я затрудняюсь объяснить свою реакцию. Обычная неприязнь славянских путешественников друг к другу? В Европе мы избегали соотечественников, чтобы не попасть под определение «славянские дикари». Нам нравилось думать, что мы обычные европейцы, ну, вот, например, как... разные прочие шведы. В те годы исход с Востока только начинался; славянские барышни пробовали себя на улице красных фонарей, а юноши вполглаза заглядывали на Запад и спешили обратно, спекулировать пестрой дрянью из супермаркетов. Пройдет двадцать лет, и эмигранты повалят толпой, а черствые города Европы оскалятся на неопытных людей с вредными привычками – мол, не звали вас, нищегородов. А пока сами славяне сторонились славян, если встречали таковых на Западе: нельзя, чтобы европейцы заподозрили провинциальные пристрастия.

Вероятно, я от поэта Цветковича отшатнулся и поэтому. Раз любимец московских барышень здесь, мелькнуло в голове, значит, это мероприятие стало модной затеей – слетятся авантюристы из стран бывшего социалистического лагеря... бывшие комсомольцы, а ныне банкиры... О, бурные славянские застолья первых лет перестройки, ликер «Амаретто» и виски «Чивас Ригал»! Я ненавижу все это. И, как многие закомплексованные выходцы из СССР, славян в Европе сторонился.

Было и еще что-то, трудно выразимое, что отвращало меня от Бояна Цветковича.

Слова подходящего не подберу... было в поэте нечто чрезмерное. Напор? Нет, не напор... Энергия? Нет, не энергия... Была в поэте Цветковиче какая-то нахрапистость.

Думаю, что мой папа не впустил телевизор в дом из чувства самосохранения, чтобы не слышать стихов Бояна Цветковича – не фигурное же катание папу напугало? Когда мать робко спрашивала, не купить ли нам телевизор, отец с ужасом отмахивался и бледнел; подозреваю, что ему мерещился Боян Цветкович, читающий стихи про демократию или рекламирующий макаронные изделия.

Дело в том, что сербский гений Цветкович брался за любую работу и все делал одинаково ярко. Скажем, на плакатах в аэропорту щедрый живот Цветковича и его вздернутые усики (у поэта были закрученные на мушкетерский манер усики) рекламировали спагетти а-ля карбонара: поэт погружал в рот длинную макаронину, и надпись гласила: «Чувства безмерные, а

спагетти длинные!» Ну чем мне не угодила реклама спагетти? Поделись я чувствами с женой, она бы наверняка сказала, что я завидую славе Цветковича.

Поэт Цветкович оглядел кают-компанию и заклокотал. Так он смеялся. Усики, закрученные на мушкетерский манер, дрожали, когда поэт клокотал. Поэт взрывался ребячливым клекотом, точно запускали мотор игрушечного петушка. Знаете, бывают такие игрушечные петушки, которых заводят маленьким ключиком, и тогда петушок начинает клокотать, дергаться и стучать клювом по столу.

– Присцилла, душка, когда ты мне отдашься? Хочешь свободы – приди ко мне! Зверя с двумя спинами и двумя головами поместим на флаг! А ты, – сказал Цветкович лысому актеру, – как вижу, консервы ищешь? Оголодал, родимый? Так вот же он, хлеб твой насущный.

Боян Цветкович раздул парус живота, и живот понес его по кают-компании. Поэт обогнул по окружности машинное отделение, подплыл к щелястой переборке – и указал на одну из дыр в обшивке. Актер кинулся проверять – и точно, за переборкой нашелся мешок Йохана с консервами. У Цветковича был особый дар находить еду везде.

– Дай сюда, – сказал Цветкович актеру. – Давай, давай! Нашедшему сокровища полагается выбрать первому.

Поэт придирчиво стал выискивать лучшее среди дешевых банок.

– Сардины в томате? Кто производитель? Нет, это не подходит... пусть наши враги жрут... А это что? Лосось? Дано мне тело, что мне делать с ним? Мы лосося в утробу поместим...

Я перечитал написанное и понял, что портрет Цветковича не удался. Получился Алексей Толстой из булгаковского «Театрального романа», а сербский поэт был иной. Боян Цветкович был человеком духовным, даже человеком повышенной духовности. Просто духовность в те годы выражалась через – и опять-таки теряюсь, не могу отыскать подходящее слово: грубость?... цинизм?... вульгарность?..

Я попробую нарисовать портрет заново, а первый набросок скомкаем и выбросим в корзину.

Допустим, входит толстый человек. Он не скрывает своей грубой жирной природы именно потому, что духовно он чист. Так понятно?

Понимаете, в те далекие года все интеллигенты подражали Иосифу Бродскому, который получил Нобелевскую премию по литературе. Лауреату подражали неосознанно, копировали интонации. Бродский писал про духовное, про античное – но писал не занудно, а слегка развязно. Говоря о Вергилии, мог вставить матерное словцо, всем это нравилось. То был особый стиль поздней советской и ранней капиталистической интеллигенции: сочетать приклатненый говорок и благородные страсти. Выпускники филфака прославляли разговор о Мандельштаме такими загогулинами, каких на воронежской окраине не слыхивали. Культурные юноши вставляли в тексты удалые гусарские похабства, чтобы оттенить горение духа. Голландское «доброе утро» (по-ихнему «хуйморден») было непременно украшением любого умственного дискурса.

Помимо прочего, сводили счеты с советским ханжеством – отныне вульгарное прилагалось к духовному, если духовное подлинное. И вот жирный живот поэта Цветковича был в некотором смысле как бы аскезой. Понимаете? Живот – это парус свободы в океане лицемерия. Жир дан, чтобы согреть искреннее сердце. Рекламы макаронных изделий, обжорство, клокотание и вульгарность происходили от искренности; в глубине души поэт был ранимый человек, а на поверхности – циник. А тут еще сербское неистовство. Природная необузданность западных славян. Непонятно сказал? Извините, лучше не умею.

Именно циничная искренность, вульгарная духовность меня и напугала. В нашем предприятии все держалось на энтузиазме – требовалось верить в мечту и засучить рукава. А искренность на новый манер исключала честный труд.

– Когда ж нам плыть? – Цветкович набил рот консервированной лососиной, но дикция осталась отменной, сказывалась тренировка в концертных залах.

– Вот положим палубу, починим машину, тогда поплывем, – ответил Август.

Поэт расплылся в улыбке, потрепал капитана «Азарта» по щеке.

– Тогда клади свою палубу, августейший! Считай, что мечты сбываются! Дарю тебе контейнер прокладок!

– Каких прокладок?

Оказалось, что поэт Боян Цветкович выступил по телевидению с рекламой женских прокладок, и концерт «Проктор энд Гэмбл» подарил за это поэту вагон прокладок.

– Не совсем подарили, конечно, но уступили. На взаимовыгодных условиях. У «Проктор энд Гэмбл» на редкость разумный менеджер. – И поэт заклекотал.

– Вагон прокладок? – ахнула Саша.

– Вагон, – подтвердил Цветкович. – Хочешь килограмма два дам? Тебе на всю жизнь хватит. У меня теперь три тонны прокладок.

Он сообщил, что вагон отгружают в амстердамском порту.

– Зачем? – Август растерялся. – Зачем нам на «Азарте» прокладки?

Отчего-то он не спросил, почему мятежный поэт рекламировал на телевидении прокладки, а ведь это самое интересное.

– Как – зачем? Меняем прокладки на доски. Прокладки нужнее людям, чем доски.

– Отличная мысль, – оживился Микеле и вышел вперед, – напечатаем подарочную брошюру. Я уже вижу этот буклет! – Микеле заходил по машинному отделению, жестикулируя. – Выпускаем красочный буклет, посвященный кругосветному плаванию «Азарта». Фотограф у меня есть на примете... Распространяем по всем портам и турагентствам. Внутри – реклама прокладок... Проктор и Гэмбл нам заплатят. Обмен на доски предлагаю произвести в Гонконге.

– Помилуй, Микеле, – лениво заметил Яков, – обмен можно произвести, не вставая со стула.

– Я уже договорился на обмен, – клокотал Цветкович, – прокладки отгрузят на склад плотникам. Менеджер у плотников тоже вполне адекватный человек; прокладки сбывает в местные аптеки по низкой цене. Нам он готов предоставить доски, которые на складе уже списали. А разницу в деньгах между досками и прокладками выплачивает наличными.

– Красиво! – выдохнул Микеле. – А доски что, бракованные?

– Ну, как тебе сказать, – замялся Цветкович, – сделка есть сделка: мы им даем просроченные прокладки, а они нам бракованные доски. Но не забудьте про деньги – есть большая маржа!

– Нам не деньги нужны, – сказал Август, – нам нужны хорошие доски для палубы.

– Если ты бедный – зачем привередничать? Бери, что дают!

Вот она, золотая рыбка удачи, мелькнуло в голове. Все получилось, как загадали.

– А ну, кто пойдет прокладки отгружать и доски носить? – спросил поэт Цветкович. – Парни, за работу!

Рыбаки-немцы встали и двинулись к выходу. Эти безмолвные парни готовы были к любой работе. Прочие смотрели на немцев с жалостью.

– Вы хоть знаете, какие там доски? – спросила Саша. – Двухдюймовая доска, шесть метров в длину, поднять невозможно.

– Справимся, – сказал рыбак из Гамбурга.

И тут Август сказал:

– Нам не нужны эти доски. Над нами будут смеяться.

– Кто?

– История.

Капитан вышел в центр кают-компаний, встал подле машины и сказал речь. Я приведу речь так, как запомнил.

– Перед вами машина. Это идея, это содержание нашего корабля. Она жива, наша машина. Только кажется, что машина сломана. Идею нельзя истребить. Просто машина давно не работала. Если механизм почистить, смазать маслом, восстановить детали, то машина заработает. И тогда корабль поплывет. Что нужно для того, чтобы восстановить детали машины? Нужно прочесть книги. Нужно понять механику. Мы можем это сделать. Мы – команда, мы – семья. Мы – это общество людей, которые захотели быть свободными. Значит, мы можем научиться всему и все сделаем своими силами. Как Робинзон Крузо.

– У него Пятница был. Пятница на него и работал, – уточнил англичанин Адриан.

– Мы здесь все – Пятницы. Мы все равны. И мы построим корабль, мы умеем работать. Нужны материалы? Что-то найдем на пустыре, что-то изготовим своими руками. Мы не спекулянты, мы труженики.

– А торговля – это разве не труд? – спросил Микеле обиженно. – Пока комбайн в Казахстане продашь, семь потов сойдет! А конкуренция?

– А поэзия? – клокотал Цветкович. – Это, по-твоему, не труд? Я стихом пробил себе дорогу в жизни. Стихом заработал вагон прокладок.

– Просроченных, – заметила Присцилла, которая вела хозяйство корабля. – Ты получил негодные к употреблению прокладки.

– Ах, дорогая, зачем нам с тобой прокладки? – возопил поэт. – Отринь сомнения, Присцилла! И без прокладок будь моей.

– Торговля нужна, – сказал Август, – только если продукт, который продают или меняют, получен честным трудом и не продан по спекулятивной цене. Ростовщик никогда не построит корабля и не выживет на острове.

– Спорное утверждение, – лениво сказал профессор Оксфордского университета. – Вот, например, остров Англия отлично выживает, несмотря на то, что Британия – страна ростовщиков. И корабли строим в избытке. Кстати, уверен, что Робинзон по возвращении в Англию выгодно вложил деньги, полученные за мемуары.

– Англичане – природные ростовщики, – сказала левая активистка Присцилла.

– Поэт свободен от подозрений в ростовщичестве, – заявил Боян Цветкович, – дух дышит, где хочет – хоть бы и среди прокладок! Чудесный дух! И отчего бы прокладки (символ фертильности и готовности к деторождению) не променять на доски (гроба тайны роковые)? Допустим, останется от обмена немного денег. И что?

– Спекуляция, – сказал Август.

– Врачам, я знаю, коробки конфет дарят... коньячок... печенье... А поэт хуже, что ли? Видимо, слова «коробка печенья» навели актера на мысли об общей кассе.

– Зачем искать деньги, – спросил актер, – если деньги в коробке лежат. Вон, у француженки возьми. Работать не надо: и доски купим, и на пиво хватит. Поделись, мироедка!

– Это общие деньги.

– Вот я и говорю: делиться пора!

Казалось бы, совсем недавно актер признал, что деньги, отложенные на спасательные жилеты, трогать нельзя, но то была его отличительная черта – лысый актер легко менял риторику и взгляды, просто переходил от роли к роли.

– Лентяй и паразит, – сказала Присцилла, – лишь бы на боку лежать.

– Не о себе беспокоюсь, – оскорбился актер. – Я за всех морячков переживаю... За ребяташек наших, за пацанчиков... – Возможно, то была роль революционного матроса – есть такие спектакли в репертуаре советских театров.

– Пусть морячки трудятся, – сказала левая активистка.

– Устал народ. Думаешь, легко доски носить... Пожалеть надо мужиков.

– Славянин, что с него взять. Славян в лагеря сгоняют, чтобы трудились, – заметила француженка, – иначе они работать не могут.

– Много ты о славянах знаешь, – процедил лысый актер. – А что лягушатники жадные, это тебе всякий скажет. Сиди на своей коробке с деньгами.

– На этом корабле не должно быть ничего, что вызывает презрение и насмешку. Здесь не будет ничего, что получено средствами спекуляции – а не простым трудом, – сказал капитан Август.

– А доски-то как получить?

– На северный причал пришел сухогруз из Бразилии, привезли какао-бобы. Нужны рабочие. Мы будем носить мешки с бобами и заработаем деньги. На эти деньги купим доски. Хорошие крепкие доски.

– А разве обмен на прокладки – это не то же самое?

– Нет, – сказал Август. – Здесь все честно. Здесь нет бракованного и списанного со склада товара. Здесь нет ловкости. Просто честный труд. Кто со мной – мешки с какао носить?

– И снова вы меня изумляете, капитан, – сказал английский профессор. – Вы, оказываетесь, отрицаете базовые ценности цивилизации – рынок и обмен? Смело, очень смело. Вам приходилось читать труды Броделя?

– Нет, не приходилось. Кто со мной мешки с какао носить? – повторил Август.

Безропотные немцы подняли руки. Август сказал:

– Значит, если считать со мной, – всего трое. Кто еще?

Я встал рядом с ними. Лысый актер (он съел тем временем две банки сардин) подошел к нам.

– Ладно, сыграю роль грузчика.

И мы пошли на северный причал. Вслед нам несло насмешливое клокотание Цветковича.

Глава седьмая

Высокий досуг

Первые пять мешков я осилил на кураже, а потом ноги подкосились.

Кое-какой рабочий опыт у меня имелся, но его оказалось недостаточно.

В юности, когда меня исключили из школы (я рисовал антисоветские стенгазеты и клеил их на стену в классе), я несколько месяцев работал на вокзале, носил ящики. На Казанском вокзале путь от перрона до пакгауза был коротким, ящики мы наваливали на тележку, и порой мне случалось ехать на них верхом. Работа не кажется особенно тяжелой, если тебе шестнадцать лет и ты усвоил главное правило – вовремя перекурить. На работе не надрывались, а проводили время. Советская власть развивала в трудящихся исключительное жизнелюбие и даже гедонизм. Один из вокзальных грузчиков носил в кармане стакан – деталь поразительная: а) стакан легко разбить, б) пить можно из горлышка, зачем стакан? Но коллега-грузчик был эстет и водку переливал непременно в стакан, а работал неторопливо, чтобы не задеть важный карман, в котором стакан хранился. На вокзале мы перекуривали каждые десять минут, и лозунгом была армейская присловка «солдат спит, а служба идет».

В дальнейшем я не раз козырял романтическими подробностями биографии. Быть грузчиком – это пикантно, если вы понимаете, что я хочу сказать. Беседуешь, скажем, с другим художником: колорит, композиция, то, сё... и вдруг – легкий штрих в беседе – «Вы вот работали на вокзале грузчиком? А я, представьте, и такой опыт имею, да-с».

Опыт вокзального грузчика мне в порту не пригодился. Требовалось разгрузить баржу до вечера, и это было нужно нам самим – а не какому-то дяде с графиком. Курить некогда – и, кстати, когда задыхаешься и ловишь воздух ртом, уже не до дыма. Нас было шестеро сравнительно крепких мужчин – Август бодро сказал, что за три часа мы управимся. Он ошибся.

В мешке сорок килограммов. Не так уж и много, если перенести пару мешков внутри сарая. Нам надо было пройти длинный причал, занести мешок на склад – и так двести двадцать пять раз подряд. Всего на барже было около тысячи мешков с какао-бобами, это была крупная баржа. Голова моя стала жаркой, дыхание прекратилось вовсе, я булькал и хрипел; ноги при каждом шаге сводило.

Труднее всего распрямляться после того, как примешь мешок на спину. Один из нас спускал с борта баржи мешок на спину тому, кто стоял на сходнях. На барже работал музыкант Йохан, он присоединился к нам на причале, музыканту поручили спускать мешки с борта. Йохан медленно опускал мешок на плечи Августу, а длинный Август балансировал на сходнях с мешком на плечах, потом переваливал мешок на спину, склонившуюся перед ним. Это была моя спина, или спина лысого актера, или спины немецких рыбаков. Принял мешок, распрямился – и бегом по причалу. Рывок, когда распрямляешься с мешком на спине, отдается во всем организме, но надо бежать, чтобы Август не простаивал. Четверо человек бегали по причалу с мешками, а Август танцевал на шаткой жердочке. Скоро мы перестали бегать – волочились.

– Тридцать мешков, и перекур, – сказал актер.

– Сорок, – сказал Штефан.

– Пятьдесят, – сказал Клаус.

– Верно, – согласился Штефан, – лучше пятьдесят.

Я ничего не сказал, воздуха в легких не было. Про себя подумал: еще десять раз вот так пройду – а потом инфаркт. Уверен, и актер думал точно так же, работа на свежем воздухе в амстердамском порту не шла ему на пользу; лицо у парня было темно-красное, как мороженный тунец, а глаза мутные, как у тухлой камбалы.

– Вот он – азарт, – прохрипел актер. – Хорошо Август корабль назвал, с прицелом!

«Вот она – утопия», – подумал и я. Всякая утопия непременно кончается тем, что дураки таскают мешки, а умники их погоняют.

– Вот перетаскаем тысячу мешков и тогда купим десять досок, – прохрипел актер.

Мы сталкивались с ним, когда я порожняком возвращался к барже, а он ковылял навстречу под мешком. Я видел только лысину и мешок. Его лысина стала пунцовой, и на ней выступили капли пота; диковинное зрелище – мокрая лысина. В тот краткий миг, когда мы с актером встречались – он, погребенный под мешком, и я, переводящий дух, – мы и говорили. Следующий раз – все ровно наоборот: я волочусь под мешком, он плетется навстречу, переводя дыхание. Диалогом это назвать трудно, скорее мизансценками. Он хрипел свои реплики из-под мешка с какао. Я не всегда успевал ответить.

– На кой ляд мне такая свобода!

– Да я вообще рисовать приехал!

– Это ж надо: задарма таскать мешки!

– Так ведь...

И разошлись. В другой раз так поговорили:

– Десять досок за десять часов!

– Так мало?

– Самый дешевый труд – мешки таскать!

– А что потом делать?

И разошлись. В другой раз так:

– А потом нас поставят картошку чистить...

– Почему картошку?

– Или полы мыть... Еще десять досок купим...

– Так ведь...

В следующий раз:

– Это у нас такой путь к мечте?

– Зато честно...

– Тебе-то зачем тут уродоваться?

– Все пошли – и я пошел...

И правда: а зачем я пошел перетаскивать мешки? Я ведь приехал рисовать – ехал в круиз на океанской яхте, и вот одного дня не прошло, как уже таскаю мешки с какао-бобами в амстердамском порту. Я же хотел в каюте морские пейзажи рисовать... Эволюция мечты меня потрясла.

Я даже поставил мешок на бетонный причал и сел на него, прервал трудовой процесс. Ведь это же поразительно, думал я, как просто заставить человека работать – причем совершенно бессмысленно работать! Кто сказал, что нам надо перенести эти дурацкие мешки? Зачем их таскать? Чтобы купить доски? Которые положат на палубу ржавого корабля, который не плывет? А если однажды и поплывет, то пойдет по северным рекам, и дурень Йохан будет на палубе скакать козлом и играть на консервных банках? Вот ради этого безумия я сейчас тут сдохну под тяжестью какао-бобов?

Моросил мелкий дождь, дул холодный ветер, плоский пейзаж со складскими помещениями бурого цвета был отвратителен. Свинцовое море шумело, и если глядеть пристально в чехарду волн, кружилась голова.

Зачем я здесь? Какая идея стоит того, чтобы я здесь помер?

– Ты помираешь потому, что любишь труд в компании. Ты – человек коллектива. И тебе неловко увильнуть, если другим тяжело.

Это сказал Адриан, угадав ход моих мыслей. Оксфордский историк развалился под навесом на тюках с шерстью, отгруженных с аргентинского корабля. Тюки сложили в сухом месте,

под крышей, и вот британец расположился там с комфортом, покачивая желтым ботинком и наблюдая, как мы корячимся.

Общество утопии стратифицировалось стремительно. В отличие от широко известной схемы Платона (поэты, стражи, философы) наша утопия предложила свои страты: пролы, идеологи и торговцы.

Пролетарии тягали мешки; с нами все было ясно.

Идеологи нас поучали – для пылкого поэта Цветковича, оксфордского балабола Адриана и активистки Присциллы пролы были предметом исследования.

Торговцы искали выгоду помимо нас; Яков, Янус и Микеле были заняты аферами.

Поведение у каждой из страт было особенным. Торговцы остались на корабле, их на дождь выманить было невозможно. Идеологи явились на причал поглядеть вблизи, как пролетариат надрывается, дать трудящимся совет. Правда, устроились идеологи в сухом месте. Присцилла столь же вальяжно, как и Адриан, возлежала на тюках под навесом и оттуда наблюдала за нами. Никто и не ждал от дамы, что она будет носить тяжести, но деликатность могла бы проявить. Впрочем, она хотя бы не отпускала циничных реплик. А вот Адриан про деликатность не ведал в принципе; он изучал нас, как тритонов, копошащихся в канаве.

Вслед носильщикам ученый отпускал обидные реплики:

– Как думаешь, Присцилла, сколько ходок немец сделает? Сто? На кого ставишь – на актера или художника? Кто раньше упадет?

Немцы не поворачивали головы, не реагировали, экономили силы. Я же пристыдил британца. Адриан ответил мне так:

– Труд ваш глуп. Впрочем, как всякий социалистический проект. Тяжелый и нерезультативный труд. Вам придется проделать нечто подобное, – историк делал пометки в блокноте, умножал, вычитал, – э-э-э... примерно двенадцать раз, чтобы собрать деньги на палубные доски. Иными словами, надо разгрузить еще двенадцать барж. Гарантирую, что в процессе труда трое из вас придут в негодность, то есть коэффициент производительности упадет вдвое. Стало быть, восемнадцать раз минимум вам надо перенести подобные мешки. Заметим, что реальный труд по ремонту палубы еще не начнется, когда вы соберете деньги на доски. А сил на работу, необходимую кораблю, уже не будет. Причем речь лишь о ремонте верхней палубы. Настил внизу абсолютно гнилой, и там требуются работы по металлу.

Историк Адриан поудобнее улегся на тюк, забрался под навес чуть поглубже, чтобы ветер с моря до него не дотянулся, не забрызгал дождем.

Сырой ветер Северного моря на ощупь похож на скользкую рыбу. Мокрый и колючий, он шлепает тебя по щеке, бьет сырые щеки, обдирает кожу, словно по щеке хлестнули мокрой рыбиной с колючей чешуей. Сырой рыбный ветер и приторный запах какао. И выцветший серый цвет когда-то зеленой воды. Вода еще зеленая в глубине, но на поверхности – серая мутная пена, взбаламученная ветром и дождем.

Актер подошел ко мне и тоже устался на соглядатаев, уронив мешок. Так вот и стояли под дождем мы, пролетарии, мокрые от пота и мелкой дождевой россыпи, и слушали циника-идеолога.

– И глупее всего то, – говорил нам Адриан, – что вам предлагали доски бесплатно, но бесплатно вам ничего не нужно. В этом отказе от подарка – стереотип коммунистического строительства. План Маршалла – то есть внешняя помощь – вам не нужен. Любопытный парадокс: с одной стороны, коммунисты мечтают о несбыточном, но когда с неба валится манна, они манну отвергают. Вы хотите строить коммунизм за счет рабского труда, а не за счет подачек капиталистов.

– И они правы! – заметила левая активистка. – Труд людей учит, а подачки развращают.

– Что даст напрасный труд?

– Счастье! – сказала левая активистка Присцилла. – Счастье содержится в самом акте труда. Пусть труд бездарен, пусть труд не дает результата, но это труд! Подлинный результат в самом акте труда, в его процессе. Сизиф, катящий камень в гору, – счастлив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.